

Мухи классицизма, котлеты авангарда

Культура. — 1998. — 24-30 дек. — с. 7

“Краткий курс” Тимура Новикова в Русском музее

На днях в петербургском Мраморном дворце открылась выставка Тимура Новикова — это едва ли не первый случай ретроспективы сорокалетнего автора в стенах Русского музея. Мероприятие было задумано и проведено как триумф: глава отдела новейших течений А.Боровский назвал Новикова “выдающимся художником своего поколения”, а директор музея В.Гусев — так и просто “гением”. Сам же юбиляр в ответной речи заявил, что готов “все отдать” искусству.

Это правда — искусство потребовало жертв. (Или жизнь в искусстве, что по нынешней мерке одно и то же). Автор, который еще недавно слыл завсегдатаем дискотек и гуру молодежной культуры, на вернисаже выглядел едва ли не Гомером: длиннородый, полуседой, с патриаршим посохом, почтительно поддерживаемый под руки учениками. Как зрелище он далеко превосходил свои работы: помимо великого слепца (с известной античной статуи), сразу припомнились Иоанн Грозный (из эйзенштейновского фильма) и Спаситель наш (со знаменитого ивановского полотна). Словом, в одной живописной картине драма тоталитаризма, трагикомедия внезапно обретенного православия и подлинная, до полной гибели всерьез, трагедия гомосексуализма. Плюс неистовое стремление к ре-

спектабельности. Плюс, самое главное, безусловная личная магия — именно она вербует Тимуру приверженцев, последователей и почитателей. Злые языки утверждают даже, что среди нынешней богемы Новиков — явление не эстетическое, а психиатрическое: маленький фюрер со своим маленьким, но по местной мерке вполне ощутимым культом личности.

Это мнение вполне подтверждает помпезный том его учения “Новый русский классицизм”, выпущенный по случаю юбилея под эгидой Русского музея. До красной книжечки Мао или зеленой — Каддафи труд, конечно, не дотягивает. Это пока еще не цитатник — но уже “Краткий курс”, сделанный, как положено, с любовью и полным пониманием предмета. Академический, с золотым тиснением, коленкор. Толстая бумага. Очень крупный и красивый шрифт. Многократные повторы одних и тех же заклинаний, названий и имен (публике малоизвестных) — капля камень долбит. Сакраментальный жанр “ответы на вопросы”.

Ответы простые, типа “красота спасет мир” — бывший авангардист нынче известен страстными проклятиями в адрес современного искусства и призывами вернуться к благостной телесности традиционных жанров — от греческой

классики до сталинского ампира. Она (телесность и благость), по мнению автора, понятна “рабочим и крестьянам”. Но в то же время должна нравиться “новым богатым” (и новому официозу, добавим от себя). Она способна дать отпор проклятой “американизации”, потому что берет начало в европейской традиции. В то же время она способна напугать европейцев, заблудших и погрязших в заумном концептуальном искусстве. Демонстративное могущество традиции — триумфальное шествие фотографии (заменившей, по мнению автора, “реализм”) и всемирный культ топ-моделей и суперменов. Культ этот, по сути, американский, но не ловите Тимура на противоречиях — они-то и составляют главный смак. Золотое правило, усвоенное из “Краткого курса” и других учительных книг: противоречить самому себе как можно больше. Тогда на любое возражение найдется подходящая контрцитата. В свое время этот прием сводил с ума честных русских богословов и большевиков — нынче он заслужит аплодисменты критика, способного оценить безбрежное вранье как художественный принцип.

Есть еще ряд важных позиций: “новые русские классицисты” — за экологию культуры, поэтому должны со всеми помириться (тут видится пародия на недавнюю

идеологию Примирения и Согласия). В то же время следует идейно и организационно разгромить врагов (главным образом московских радикалов, оттеснивших петербуржцев от и без того скудной кормушки). Притворное миролюбие, агрессивное миссионерство и жесточайший прагматизм — именно этому рецепту следовали Тимур и его команда, штурмующая европейские музеи.

Рецепты эти, впрочем, оказались хороши для того, что критики называют “карьерной стратегией”, — и не очень хороши для творчества как такового. Никакого “классицизма” я в Мраморном дворце, понятное дело, не обнаружила. Обнаружила несметное число текстильных коллажей — веселые и дерзкие “тряпки” периода перестройки, парчу и бархат “новорусского” времени. Первые украшены инфантильными атрибутами “советики” — корабличками, самолетиками, елочками, звездочками и пр. Последние, вместо того, снабжены причиндалами “классики” — балеринами, амурами, психеями и православными иерархами. Первые гораздо симпатичней — гениальный стратег и великий тактик, похоже, задушил недурного художника. Оно и понятно: чем больше мух, тем меньше котлет.

Марина КОЛДОБСКАЯ
Санкт-Петербург